СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

Эдуард ТОПОЛЬ

Настоящая любовь

АСТ
издательство
Москва
2001

ГЕНИЙ И ЖЕНЩИНА,

или

ВЛЮБЛЕННЫЙ ДОСТОЕВСКИЙ

Киносценарий

Сценарий основан на документальных фактах, мемуарах барона Александра Врангеля и других современников Ф. Достоевского, а также на его собственных письмах и романах.

Достоевский, выбежав последним, на ходу застегивает ремень и становится в строй. Шинель на нем перекошена, треуголка сбита.

Ротный офицер Веденяев по кличке Буран, проследив за Достоевским тяжелым взглядом, командует фельдфебелю Маслову.

БУРАН. Первый взвод — в караул. Второй — заготовка дров. Третий — красить казарму. Четвертый — строевые учения. *(Показав пальцем на Достоевского, недобро.)* Так... А это у нас сочинитель, писатель, с каторги новобранец. За ним смотри в оба!

...Солдатские сапоги звучно впечатывают подошвы в хрупкий песок плаца. Среди марширующих — новобранец Федор Достоевский.

Фельдфебель Маслов — «крошечная голова на несуразном туловище, все лицо усыпано угрями, нос в виде клюва, узкие черные глаза»* — спиной бежит рядом со строем.

ФЕЛЬДФЕБЕЛЬ *(весело, лихо)*. Ать-два! Ать! Выше ногу! Выше! Тяни носок! Ать-два!..

Мимо плаца идут две дамы — 36-летняя Елизавета Герф, первая местная красавица, жена горного генерал-инженера, и 28-летняя Мария Исаева, на четверть француженка, «красивая худощавая блондинка среднего роста... хрупкая... ее волнистые волосы были разделены пробором посредине... в ней было сочетание детского и женского...».

Марширующий в строю Достоевский останавливается и замирает, впиваясь глазами в Марию. Идущий позади Достоевского пожилой татарин Бахчеев натыкается на него, на Бахчеева натыкается семнадцатилетний кантонист** Кац, и весь строй солдат сбивается с ноги.

Фельдфебель гневно подлетает к Достоевскому.

---

* Здесь и далее в кавычки взяты цитаты из свидетельств Достоевского и других участников описываемых событий. — *Э.Т.*

** Кантонист — с детства служащий в армии.

ФЕЛЬДФЕБЕЛЬ *(кричит)*. Достоевский! Мать твою!..

Дамы оглядываются на этот крик, и Исаева встречается глазами с Достоевским. Это секундное, но пронзительно емкое скрещение взглядов — серые глаза Достоевского расширяются как при безумии, а взгляд Исаевой от жалости к этому худющему солдатику переходит в изумление перед его открытым и восторженно-чувственным интересом к ней.

Но тут фельдфебель дает Достоевскому такой подзатыльник, что Достоевский едва не тыкается носом в землю.

ФЕЛЬДФЕБЕЛЬ *(орет)*. Взвод, ложись! По-пластунски!..

Падая лицом в песок плаца, Достоевский видит, как скрываются за поворотом фигуры Герф и Исаевой...

КАЗАРМА. ДЕНЬ

Два дневальных солдата вносят большую деревянную бадью, наполненную «варевом без названия». Солдаты, вооружившись мисками и огромными деревянными ложками с толстыми черенками, получают свой скудный обед и едят тут же, сидя на нарах.

Но Достоевский безучастно лежит на нарах, мечтательно глядя в потолок.

После обеда в казарме гул голосов, дым от самокруток... Бахчеев смазывает сапоги... Кто-то стирает портянки... Молоденький Кац, сосед Достоевского по нарам, портняжничает... Рядом на узкой койке балагурит с молодыми солдатами бывалый старик «наемщик»*.

СТАРИК «НАЕМЩИК». А начальству перечить — гиблое дело. Сами раскиньте: коли подниметесь, как дуб против ветра, — вас буря и сломит; а пригнетесь к земле, как былинка, — все вынесете...

---

* Наемщик — нанятый отбывать армию вместо кого-то, обычно — сына богатого купца.

За Елизаветой идет влюбленная в нее свита — молодые офицеры и купеческие сыновья...

ВРАНГЕЛЬ *(лихорадочно, Достоевскому).* Эта? Ваша?

ДОСТОЕВСКИЙ *(пренебрежительно).* Нет, что вы! Это же дьявол. А моя — ангел...

Голос у Достоевского пресекается на полуслове, и Врангель, проследив за его взглядом, видит выходящих из церкви супругов Александра и Марию Исаевых. При свете своей свечи и осененная религиозным чувством, тоненькая Мария выглядит еще моложе и прелестней, чем раньше.

Достоевский, глядя на нее, подается вперед всем телом, его рука застывает, недокрестив лба.

А Мария, ощутив на себе чей-то пылающий взгляд, непроизвольно поворачивает голову и...

Их взгляды встречаются...

Достоевскому чудится: где-то вдали ударили барабаны...

Словно от этого боя, Мария сбивается с шага, но муж подхватывает ее под руку и увлекает за крестным ходом.

ВРАНГЕЛЬ *(Достоевскому).* Христос воскресе!

Достоевский смотрит на него ничего не понимающим взглядом.

ДОСТОЕВСКИЙ *(тупо).* Что?

Вокруг них крестятся и троекратно целуются прихожане, звучат голоса:

— Христос воскресе!

— Воистину воскресе!

ВРАНГЕЛЬ *(Достоевскому)*. Христос воскресе!.. *(Троекратно целует Достоевского.)* О, Федор Михайлович, у вас жар!

ДОСТОЕВСКИЙ *(глядя вслед ушедшей Марии, горестно)*. Да... Жар... Я люблю ее...

Дробный стук копыт врывается в мирную церемонию крестного хода. На площадь перед церковью на рысях выскакивает запыленный казак-«летучка», его лошадь в пене. Подскакав к полковнику Беликову, командиру линейного батальона, и полковнику Иванову, начальнику местной жандармерии, он спрыгивает с коня и спешит к ним с рапортом.

КАЗАК. Ваше благородие! Генерал-губернатор едет! Завтра прибудет!

СЕМИПАЛАТИНСК И ЛЕВЫЙ БЕРЕГ ИРТЫША, СТЕПЬ. СОЛНЕЧНЫЙ ДЕНЬ

Полковник Беликов, командир батальона («преоригинальная личность, — сказано в мемуарах Врангеля, — маленький ростом, с круглым брюшком, юркий и подвижный, с большим красным носом»), объезжает на коне свой батальон, в парадной форме выстроенный на западном, пологом, берегу Иртыша для встречи генерал-губернатора.

БЕЛИКОВ. Генерала есть глазами! *(Бурану, стоящему у своей роты.)* Вам ясно, поручик?

БУРАН *(вытягиваясь, громогласно)*. Ясно, есть глазами, ваше превосходительство!

За строем солдат виден Иртыш, он весь заполнен лодками и плотами с нарядно одетыми горожанами — барышни с зонтиками, мужчины в кафтанах или сюртуках, — выехавшими встречать генерал-губернатора.

БЕЛИКОВ *(Бурану и солдатам)*. Стоять во фрунт!

ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОР. Тост за Государя-Императора!

Все поспешно встают.

...В мазуркс, при смене партнерши, Врангель наконец получает возможность коснуться пальцев Елизаветы Герф.

ЕЛИЗАВЕТА *(танцуя)*. Сколько же вам лет, барон?

ВРАНГЕЛЬ *(танцуя)*. Двадцать... двадцать второй...

ЕЛИЗАВЕТА *(с лукавой улыбкой)*. О, вы уже совсем взрослый!.. А ваш гений мог бы репетировать мою дочь по российской словесности?

ВРАНГЕЛЬ *(влюбленно, пылко)*. Безусловно, мадам! Это же наш лучший писатель! Вы читали «Бедных людей»?

Елизавета, обещающе улыбнувшись, меняет партнера, переходя к полковнику Беликову, который танцевал рядом с ними с Марией Исаевой.

МАРИЯ *(Врангелю, танцуя с ним)*. Вы сказали «Бедные люди»? Мы с мужем были в совершенном восторге от этого романа. Он был напечатан как раз в наш медовый месяц, семь лет назад, и мы — я помню — читали его вслух и плакали. Как жаль сочинителя!..

Врангель не успевает ответить — на новом па к нему возвращается Елизавета.

ЕЛИЗАВЕТА. Барон, я возьму его репетитором, но и вы окажете мне услугу.

ВРАНГЕЛЬ *(пылко, с трудом отрывая взгляд от ее оголенных плеч)*. Любую! Повелевайте!

ЕЛИЗАВЕТА. Я заметила, к вам благоволит супруга генерал-губернатора. Представьте меня ей покороче.

СЕМИПАЛАТИНСК, ПЛАЦ ПЕРЕД КАЗАРМАМИ И СОСЕДНИЕ УЛИЦЫ. ЛЕТНИЙ ДЕНЬ

Босые мальчишки — русские, киргизы, татары — стремглав бегут со всех концов города к солдатским казармам, восторженно кричат на ходу.

МАЛЬЧИШКИ. Порют!.. Порют!..
— Экзекуция!..

Куры и поросята прыскают у них из-под ног...

Взрослые — мужчины и женщины, русские и киргизы, купцы, ремесленники — тоже спешат, но шагом...

Знать — купцы, богатые киргизы, старшие офицеры с женами — катят в каретах, тарантасах...

В одной из карет — подруги Елизавета Герф и Мария Исаева...

На плацу перед казармами выстроены две шеренги солдат, каждый из которых держит в руках зеленую вересковую палку толщиной в палец.

В одной из этих шеренг стоит Достоевский.

Зрители, как в Колизее, окружают плац. Знать — не выходя из карет, простолюдье — стоя, мальчишки — кто где может...

Вдоль шеренги солдат идет поручик Веденяев по кличке Буран — тридцатилетний, высокий, толстый, с румяными щеками, с белыми зубами и раскатистым смехом. По его лицу видно, что это самый незадумывающийся в мире человек*.

БУРАН *(играя на публику, солдатам)*. Чтобы каждый исполнял свое дело рачительно! Не то!.. Вы меня знаете! Знаете?

СОЛДАТЫ *(хором)*. Знаем, вашблагродье!

---

* Достоевский позже писал, что Буран до страсти любил сечь и наказывать палками, он был чем-то вроде утонченного гастронома в этом деле.

БУРАН. То-то ж! Сечь да пороть — это на Руси тоже искусство. *(Достоевскому.)* А, писатель?

ДОСТОЕВСКИЙ *(принужденно).* Так, ваше благородие...

БУРАН *(подойдя к Достоевскому).* А? Громче! Не слышу! Искусство?

ДОСТОЕВСКИЙ *(вытягиваясь во фрунт).* Так точно, ваше благородие! Искусство на Руси — сечь да пороть!

Буран моргает глазами, пытаясь вникнуть в смысл этой инверсии.

Мария, сидя в карете, прыскает от смеха, Елизавета Герф улыбается.

ЕЛИЗАВЕТА *(Марии, с прищуром, одобрительно о Достоевском).* А он ничего...

БУРАН *(после паузы, на всякий случай, Достоевскому).* То-то ж! Бей со всей силой! Не то самого запорю в кордегардии!

Два унтер-офицера выводят из казармы Бахчеева — полуголого, без рубахи, с руками, крестообразно привязанными к прикладам ружей, на которых унтер-офицеры тянут его к «зеленой улице» — коридору солдат с зелеными вересковыми палками в руках.

БУРАН *(солдатам и публике).* Этот стервец пререкался с фельдфебелем, то бишь выказывал пример неповиновения и бунта!..

БАХЧЕЕВ *(слезливым голосом).* Ваше благородие! Помилуйте! Будьте отец родной! Не погубите!..

БУРАН. Не я наказую, а закон велит: десять запори, одного выучи!

БАХЧЕЕВ *(молит).* Ваше благородие, помилосердствуйте! Бейте, да не до смерти!

БУРАН. Верно. Три тысячи ударов еще никто за раз не выдюжил. Так что сегодня получишь полторы, а через неделю, коли выживешь, еще столько же.

БАХЧЕЕВ. И в полторы тыщи никто не выживал! Смилуйтесь, ваше благородие!

БУРАН *(на публику)*. А ты думаешь, мне не жалко тебя? Думаешь, мне в удовольствие смотреть, как тебя будут бить? Ведь я тоже человек! Человек я аль нет, как, по-твоему?

БАХЧЕЕВ. Вестимо, ваше благородие! Будьте отцом родным!

БУРАН. Да ведь я тяжкий грех возьму на себя, если ослаблю закон. *(Достоевскому.)* А, писатель? Скажи: помилую я его, облегчу наказание — и тем самым вред ему принесу, он опять преступление сделает. И что тогда, а?

ДОСТОЕВСКИЙ. Христос вас простит.

Мария, сидя в карете, смотрит на Достоевского.

БАХЧЕЕВ *(загораясь надеждой на помилование, кричит)*. Ваше благородие! Другу, недругу закажу! Вот как есть перед престолом небесного создателя...

БУРАН *(перебивая)*. Хорошо, хорошо! Милую я тебя только ради сиротских слез твоих. Ты сирота?

БАХЧЕЕВ. Сирота, ваше благородие! Как перст сирота — ни отца, ни матери!..

БУРАН *(милосердно, мягко)*. Ну, так ради сиротских слез твоих. Но смотри же, в последний раз! *(Унтер-офицерам.)* Ведите его...

Загремел барабан.

Унтер-офицеры повели Бахчеева сквозь строй.

Мария Исаева — легкая, воздушная, по-весеннему юная и кокетливая, — впорхнув на веранду, подает руку Врангелю.

МАРИЯ *(Врангелю)*. Я пришла сказать вам спасибо за протекцию, Александр Егорович.

ВРАНГЕЛЬ *(кланяясь и целуя ей руку)*. Не стоит благодарности, Мария Дмитриевна.

ЕЛИЗАВЕТА *(Достоевскому)*. Федор Михайлович, позвольте вам представить мою подругу...

Мария живо поворачивается к Достоевскому и протягивает ему руку для поцелуя.

Достоевский вскакивает с такой поспешностью, что едва не опрокидывает кресло.

Нинель хохочет над его неловкостью.

ЕЛИЗАВЕТА *(продолжает, с улыбкой)*. Мария Дмитриевна Исаева, тоже поклонница вашего романа.

Их взгляды встречаются в третий раз.

МАРИЯ. Да, Федор Михайлович, я тоже плакала, читая ваш роман...

Держа ее руку, Достоевский забывает наклониться к этой руке и в столбняке только смотрит на Марию — на ее лицо, волосы, в ее глаза, — словно впитывает ее всю...

И вдруг, не выпуская ее руки, садится, словно у него ноги подкосились, в кресло, закрывает глаза, голова его запрокидывается.

МАРИЯ *(испуганно)*. Что с вами?

ЕЛИЗАВЕТА. Вам плохо?

ДОСТОЕВСКИЙ *(не открывая глаз)*. Нет, нет... Мне хорошо, мне хорошо... Ах, как кружится голова!.. Не убирайте руку, Марья Дмитриевна!.. Шесть лет рука женщины не касалась моей руки...

Мария, улыбнувшись ему как ребенку, наклоняется и, шутя, целует его в лоб.

Достоевский в изумлении распахивает глаза.

СТЕПЬ. ВЕСЕННИЙ ДЕНЬ, ЯРКОЕ СОЛНЦЕ

Степь пестрит маками, как цыганский платок.

Врангель и Достоевский, шалея от своей влюбленности, скачут верхом на лошадях. Достоевский, растопырив ноги, первый раз в жизни сидит на лошади, он выглядит в седле как соломенное чучело, постоянно падает, вскакивает с хохотом, неловко — под смех лихо гарцующего Врангеля — взбирается на лошадь, и они скачут вновь — рядом, хохоча, до следующего падения Достоевского...

А потом, лежа в траве и раскинув руки, оба говорят наперебой.

ДОСТОЕВСКИЙ. Боже мой! Какая женщина!

ВРАНГЕЛЬ. Бесподобная!

ДОСТОЕВСКИЙ. Тонкая!

ВРАНГЕЛЬ. Красивая!

ДОСТОЕВСКИЙ. Возвышенная!

ВРАНГЕЛЬ. Образованная!

ДОСТОЕВСКИЙ. Нежная!

ВРАНГЕЛЬ. Вы о ком? О моей?

ДОСТОЕВСКИЙ. Да при чем тут ваша! Я о своей!

ВРАНГЕЛЬ. Ах так! Ваш адрес, сударь? Куда послать секундантов?

ДОСТОЕВСКИЙ *(опомнившись, с горечью).* В казарму седьмого батальона...

ДОМ ИСАЕВЫХ. ВЕЧЕР

Рыба, шипя и брызгаясь горячим жиром, жарится на сковороде.

Мария, стоя на кухне возле горячей печи, дробно стучит ножом, нарезая лук и морковь.

Ее муж, Александр Исаев, переливает водку из штофа в графин.

МАРИЯ *(мужу).* Господи, как надоела мне эта нищета! У нас даже кухарки нет! *(Утирая потный лоб тыльной стороной ладони и сдувая со своей щеки мокрый локон.)* Саша, я тебя Христом Богом прошу: ты хоть сегодня можешь без водки?!

ИСАЕВ *(изумленно).* Но как же без водки-то, Маша? Такие гости!

Действительно, в гостиной — бедной, с дешевой мебелью — сидят гости: Врангель в деревянном кресле-качалке с порванной соломенной спинкой читает «Петербургские ведомости», а Достоевский устроился на диване подле Павла, семилетнего сына Исаевых, и его лохматой собачки Сурьки.

ДОСТОЕВСКИЙ *(гладя собаку, мальчику).* В каторге у меня тоже была собака, Культяпка. Зачем я принес его из мастерской в острог еще слепым щенком, не знаю. Наверно, очень хотелось иметь хоть какого-то друга. Шерсть была на нем лохматая и мягкая, словно бархатная, а характера он был пылкого и восторженного, как и всякий щенок. Бывало, где бы я ни был, но по крику «Культяпка!» он с визгливым восторгом летел ко мне и сразу же лез лизать меня в лицо и от радости не мог даже удержать всех остальных своих чувств. Ты понимаешь?

ПАВЛИК. Да, мой Сурька тоже писается на радостях. А маменька за это меня ругает...

Врангель прыскает, прикрывшись газетой. Достоевский смотрит на него с осуждением.

ДОСТОЕВСКИЙ *(продолжает, мальчику)*. Ничего, Павлик, хороших чувств — любви, дружбы — никогда не надо стыдиться. Бывало, приду я с работы совсем измученный, неживой просто, а тут — Культяпка от радости, что видит хозяина, уже визжит, прыгает, хвостом вертит. Сядешь с ним на пол, бывало, обнимешь его за шею и думаешь: нет, все хорошо, есть еще на свете существо, меня любящее и ко мне привязанное, и я ему нужен. А посему — жить, надо жить, обязатель...

Какой-то шорох, похожий на вздох, прерывает его, он поворачивается на этот звук...

В двери, прислонившись к косяку, стоит Мария и смотрит на него с печальной жалостью. Затем выпрямляется, мимолетным жестом утирает глаза.

МАРИЯ. Александр Егорович, Федор Михайлович, прошу к нашему скромному столу.

...Стол и вправду накрыт — скромней не придумаешь: жареная рыба, вареная картошка, грибы да овощи на дешевой посуде.

Но это ничуть не смущает хозяина. Стоя во главе стола и держа в руке стакан с водкой, он вдохновенно вещает.

ИСАЕВ. Величие нашей словесности не нуждается в доказательствах. Пушкин, Гоголь, Толстой — это имена вечные, наша слава и гордость. Я польщен и счастлив, что в мой скромный дом, под мою нищенскую, можно сказать, кровлю... *(Жене, сделавшей протестующий жест.)* Да, Маша, пусть, мы и есть ***бедные люди*** — я не стесняюсь этого перед **таким** человеком и польщен, повторяю, тем, что в наш дом пожаловал этот великий гений российской словесности Федор Михайлович...

ДОСТОЕВСКИЙ. Да полно вам! Прекратите!

ИСАЕВ. Нет, нет! Мы читали Белинского, а как вы думаете! И ежели сам «неистовый Виссарион» назвал вас гением, то... Господи, какое жестокое, какое несправедливое ваше наказание! Я провозглашаю тост за вас, Федор Михайлович, за ваше полное освобождение и свободное творчество во славу России!

Исаев залпом выпивает свой стакан.

...А минуту спустя и держа второй стакан...

ИСАЕВ. Наш Семипалатинск, господа, это, можно сказать, форпост цивилизации, как Форт-Ли или Форт-Брег в Америке. Но! *(Хмельно поднимая палец.)* Но разница между нами и Америкой в том, что там конквистадоры истребляют индейцев, а мы, завоевав Сибирь, несем здешним туземцам просвещение, культуру и православие! И я предлагаю тост за просветительную миссию России! За нашу благородную миссию, господа!

Исаев залпом выпивает второй стакан...

...А при третьем стакане, уже окончательно захмелев...

ИСАЕВ. Хотя честно вам скажу, барон, как прокурору: когда посмотришь вокруг на этих просветителей, на их воровство безмерное и зверства бездушные, душа обрывается и такая тоска берет, что рука невольно тянется к этому проклятому зелью, и только в нем находишь утишение своему отчаянию...

Исаев — уже без тоста — выпивает третий стакан, водка течет по его подбородку за воротник, он с удивлением смотрит на гостей: и Достоевский, и Врангель в третий раз поставили свои стаканы на стол, не пригубив их.

ИСАЕВ. В чем дело, господа? Вы супротив моих тостов?

ВРАНГЕЛЬ. Ни в коей мере, Александр Иванович! Просто мы оба совершенно не пьем водки...

ИСАЕВ *(жене, с хмельным жестом)*. Маша, шампанского!

МАРИЯ *(потупившись, покраснев от стыда, еле слышно)*. Саша, у нас нет шампанского, ты знаешь... *(Гостям, не подняв головы.)* Извините...

ДОСТОЕВСКИЙ *(поспешно)*. Да это и не нужно, Марья Дмитриевна! Я вас заверяю: я уже шестой год в каторге да ссылке и ни разу шампанского не пил! И не скучаю по нему, ей-богу! Рыба у вас отменная...

МАРИЯ *(подняв на него влажные глаза)*. Спасибо. А где же теперь-то ваш Культяпка? Неужто в каторге остался?

Достоевский долго смотрит ей в глаза — так долго, что за столом воцаряется неловкая пауза, в ней особо громко звучит бульканье водки, которую снова наливает себе в стакан Исаев... и Врангель крякает от неловкости... и Мария уже опускает глаза... когда Достоевский наконец отвечает ей.

ДОСТОЕВСКИЙ. Знаете, Мария Дмитриевна, чтобы не огорчать вас, я мог бы и слукавить. Но, глядя сейчас в ваши глаза, я дал себе слово не врать вам и не лукавить перед вами никогда в жизни!.. А что касается друга моего Культяпки, то принужден, в силу клятвы моей, открыть вам правду. Был у нас в остроге один каторжанин, сапожник по профессии. Он занимался выделкой кож и получал заказы на обувь от жен наших офицеров. Однажды он подозвал Культяпку к себе, пощупал его шерсть и ласково повалял его спиной по земле. Культяпка даже визжал от удовольствия. Но потом куда-то пропал. Я долго его искал, и только через две недели все объяснилось. Этот сапожник показал мне зимние сапожки, которые заказала ему аудиторша. Они были очень теплые и мягкие, и мех в них был словно бархатный... Культяпкин...

Грохот прерывает его речь. Это свалился со стула пьяный Исаев.

Но Мария даже не пошевелилась поднять его с пола. И, глядя на нее, не двигаются с места ни Достоевский, ни Врангель.

А Исаев, упав, тут же и засыпает на полу, завалившись на бок и поджав, как ребенок, руки в коленях.

Мария отводит от него презрительный взгляд и прямо смотрит на Врангеля.

МАРИЯ. Александр Егорович, я хочу попросить у вас... По слухам, в Кузнецке освобождается место интенданта, коего за воровство под суд отдают. То есть открывается вакансия, которую генерал-губернатор обещал, да, наверно, запамятовал, моему мужу по вашей протекции...

ВРАНГЕЛЬ. Не моей, а вашей подруги.

МАРИЯ. Не важно. Но ежели мы получим назначение в Кузнецк, нам нужно будет раздать тут долги и иметь что-то на переезд, а вы сами видите мое положение... *(Показывая на пустые углы.)* Мы нищие, у нас даже образа в закладе...

ВРАНГЕЛЬ. Сколько вы должны?

МАРИЯ. Столько, что и сказать страшно...

ВРАНГЕЛЬ. Но сколько же?

МАРИЯ. Сто шесть рублей.

Врангель смотрит на руки Достоевского, судорожно стягивающие в кулак край скатерти.

ВРАНГЕЛЬ. Хорошо, Мария Дмитриевна. Через две недели. Из жалованья.

УЛИЦЫ СЕМИПАЛАТИНСКА. ПОЗДНИЙ ВЕЧЕР

ДОСТОЕВСКИЙ *(идя по темной улице, пылко, Врангелю)*. Она святая женщина! Великая! Конечно, они никогда не смогут отдать вам этих денег, но я отдам!

ВРАНГЕЛЬ *(изумленно)*. Вы?

ДОСТОЕВСКИЙ. Клянусь! Как только мне разрешат печататься... Знаете, сколько Толстой берет за печатный лист? Пятьсот рублей! А Тургенев — триста! А меня ставили выше Тургенева, так что я отдам, честью клянусь! Считайте, что этот долг за мной...

Сзади — им вслед — слышен топот ног. Они оглядываются. Это, на ходу спотыкаясь, их бегом догоняет проспавшийся Исаев.

ИСАЕВ *(подбегая, Врангелю)*. Александр Егорович! Благодетель! Будьте отцом родным! Займите рубль!..

БЕРЕГ ИРТЫША. ДЕНЬ

Достоевский и Мария Исаева гуляют по берегу Иртыша...
Сидят на каком-то свалившемся дереве...
Катаются на лодке...
Трапезничают, сидя в траве...
И все это время разговаривают.

МАРИЯ. В одном Саша прав: какое жестокое, какое несправедливое ваше наказание!..

ДОСТОЕВСКИЙ. Нет, Мария Дмитриевна, справедливое.

Мария смотрит на него в изумлении.

ДОСТОЕВСКИЙ. *(Останавливаясь у какого-то пня.)* Извините, портянка сбилась... *(Снимая сапог.)* Мы, горстка столичных интеллигентов, болтунов, ни один из которых понятия не имел о народе, хотели навязать России свою волю...

Достоевский перематывает портянку, и Мария с ужасом смотрит на его ногу, до кости протертую у щиколотки.

МАРИЯ. Что это?

ДОСТОЕВСКИЙ *(смутившись)*. Да так... От кандалов нога протерлась за четыре-то года...

Достоевский натягивает сапог, и они снова идут вдоль Иртыша.

ДОСТОЕВСКИЙ. Мы не имели никакого права навязывать России республику, и народ бы не понял нас, у нас народ монархический...

МАРИЯ. Но в каторгу-то вас — за что? За помыслы, за салонные разговоры!

ДОСТОЕВСКИЙ. А меня спасла каторга!

Мария снова смотрит на него изумленно.

ДОСТОЕВСКИЙ. Поймите: успех «Бедных людей» был для меня губителен. Мне было двадцать семь лет, меня провозгласили гением, а что я мог написать тогда лучше этого? Нет, Всевышнему и нужно было провести меня через каторгу, чтобы я узнал главное, без чего жить нельзя...

МАРИЯ *(кокетливо, с улыбкой)*. А без чего нельзя жить, Федор Михайлович?

ДОСТОЕВСКИЙ *(всерьез)*. Знаете, Мария Дмитриевна, я же был, как все, — дитя века, дитя неверия и сомнений. Но в каторге я сложил в себе символ жизни, в котором все для меня ясно и свято. Этот символ очень прост, вот он: верить, что нет ничего прекраснее, глубже, симпатичнее, разумнее, мужественнее и совершеннее Христа!..

Мария разочарованно отворачивается.

ДОСТОЕВСКИЙ *(не замечая, вдохновенно)*. И вообще, там, в каторге, такие типажи, такие судьбы! А однажды на Новый год нам разрешили устроить в остроге театр. О, вы даже не можете вообразить, что случилось с этими клеймеными ворами, разбойниками, мазуриками и бродягами!

Мария заинтересованно поворачивается к нему.

ДОСТОЕВСКИЙ. *(Черпая из ее глаз вдохновение своему красноречию.)* Представьте острог, тюрьму, кандалы, долгие годы

неволи и жизнь, хмурую, как осенний день. И вдруг всем этим пригнетенным и заключенным позволили на часок развернуться, забыть тяжелый труд и устроить театр в тюремном каземате! Что началось!..

«Манера его речи была своеобразная, — сказано в мемуарах Врангеля. — Он говорил негромко, зачастую начинал чуть не шепотом, но чем больше одушевлялся, тем голос его поднимался звучнее и звучнее, а в минуты особого волнения он, говоря, как-то захлебывался и приковывал к себе внимание своего слушателя страстностью речи...»

ДОСТОЕВСКИЙ *(продолжая)*. Разом прекратились все драки, ссоры, тайное пьянство и воровство! Лица каторжан словно осветил какой-то иной, внутренний свет всеобщего светлого дела. Наконец наступил с нетерпением ожидаемый день. Залу — это был тюремный каземат — освещали сальные свечи, и она быстро наполнилась нашим тюремным населением. Очень скоро образовалась огромная толпа, сдавленная, стиснутая со всех сторон, на подоконниках — тоже целые толпы опоздавших, но все вели себя тихо и чинно, и что за странный отблеск детской радости и ожидания сиял на этих клейменых лбах и щеках!..

Мария, слушая Достоевского, не столько следит за содержанием его речи, сколько любуется этим солдатом, разом преобразившимся в актера, оракула, вдохновенного и даже красивого рассказчика...

ДОСТОЕВСКИЙ. А хотите, я расскажу вам что-нибудь смешное? Скажем, про то, как я принял подаяние? Это было три года тому, в каторге. Я возвращался с утренней работы один, с конвойным. Как всегда, я был в кандалах. Навстречу мне шли мать и дочь, девочка лет десяти, хорошенькая, как ангельчик. Я уже видел их раз. Мать была солдатка, вдова... Увидя меня, девочка закраснелась, пошептала что-то матери; та тотчас остановилась, отыскала в узелке четверть копейки и подала ее девочке. Та бросилась бежать за мной. «На, несчастный, возьми Христа ради копеечку!» — кричала она, забегая вперед меня и суя мне в руку монетку. Я взял, и девочка возвратилась к матери, совершенно довольная... Смешно, правда?

Мария смотрит на него без улыбки, но с тем значением в пронзительном взгляде, с каким женщина решает судьбу завязавшегося романа.

Достоевский, сунув руку за пазуху, достает узелок на тесемке. Развязав тесемку, извлекает из узелка темную медную монетку — четверть копейки. И протягивает Марии на открытой ладони.

ДОСТОЕВСКИЙ. Я сохранил ее. Это мое главное сокровище, это фантом обращения моей прежней гордыни в христианство. Возьмите же, это все, что я сегодня могу вам дать. Но когда-нибудь... О, Мария, ради вас я когда-нибудь сниму даже звезды с неба!

ВЕРАНДА В ДОМЕ ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРА. УТРО

На веранде за завтраком генерал-губернатор, ложкой черпая из туеска янтарный мед с покрошенным в него хлебом и запивая это блюдо холодным кумысом, звонит в колокольчик.

Тут же на веранду входит адъютант.

ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОР. Флейту.

Адъютант уходит.

Генерал-губернатор поворачивается к Врангелю, сидящему с ним за одним столом и уплетающему глазунью из пяти яиц.

ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОР *(отечески)*. Намедни я получил письмо от твоего отца. Он там, понимаешь, очень обеспокоен — что у тебя, барона и прокурора, за дружба с этим социалистом и каторжником, замышлявшим против царя?

ВРАНГЕЛЬ *(прекращая есть, испуганно)*. Ваше превосходительство, я же сколько писал папá, да и вам докладывал — Достоевский отрекся от своих заблуждений!

ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОР. Это он ***тебе*** так говорит. Но я-то знаю: самое опасное для русского мальчика — это влияние революционера. Я же вас вижу насквозь: ваша душа тянется ко всему «прекрасному и высокому», а им — безбожникам — как раз таких и надо.

Фельдфебель Маслов неожиданно срывается с места, бежит вдоль шеренги солдат и, показывая полковнику свое рвение, кричит на манер убитого.

ФЕЛЬДФЕБЕЛЬ. Катай его! Жги! Лупи! Крепче! Сажай его, сажай!..

Солдаты старательно бьют Бахчеева палками по спине. Кровь брызжет из-под ударов...

Гремит барабан... Гремит ту самую дробь, как когда-то на казни... Эта дробь накатывает на Достоевского, оглушая его, и...

снова все неотвратимей приближается к нему окровавленный Бахчеев...

и глаза ему ослепляет сияние солнца...

и — не опускается рука Достоевского на несчастного, замирает в воздухе его палка...

Протащили мимо него Бахчеева, но в ту же секунду налетает фельдфебель и отмечает спину Достоевского крестом.

ФЕЛЬДФЕБЕЛЬ *(ликуя)*. В кордегардию! Сам буду пороть писателя! Мало не покажется!

ИЗБА ДОСТОЕВСКОГО НА ОКРАИНЕ СЕМИПАЛАТИНСКА. ВЕЧЕР, СМЕРКАЕТСЯ

Бедная, приземистая избенка стоит в конце окраинной улицы, за ней — только степь, пустая и унылая*...

КОМНАТА В ИЗБЕ ДОСТОЕВСКОГО. ПОЗДНИЙ ВЕЧЕР

Полутемная комната, освещенная догорающей сальной свечой на столике у окна. На окне стоят горшки герани. В углу закопченная икона Богоматери Марии.

---

* «Изба Достоевского находилась в самом безотрадном месте, — сообщает в мемуарах Врангель. — У Достоевского была одна комната, низкая; в ней всегда царствовал полумрак. Бревенчатые стены смазаны глиной...»

Под иконой, на длинной скамье, Достоевский лежит после порки лицом к стене и спиной кверху, покрытый до плеч темной простыней, уронив со скамьи руки вниз.

С улицы слышен лай собак... потом скрип калитки... от подувшего из двери сквозняка гаснет пламя свечи...

Но Достоевский не шевелится.

В комнату входит Мария и останавливается, вглядываясь в темноту.

МАРИЯ. Федор Михайлович...

Достоевский не отзывается.

Привыкнув к темноте, Мария видит Достоевского и убожество его жилья. Нерешительно, в сомнении она подходит к нему... приподнимает край простыни с его плеча и замирает от ужаса: плечи Достоевского являют собой одну кровавую рану — в рубцах, с рваными кусками кожи...

МАРИЯ. Боже! Он умер!

ДОСТОЕВСКИЙ *(хрипло, но твердо)*. Уйдите!

МАРИЯ *(крестясь, облегченно)*. Вы живы? Господи, слава Богу...

ДОСТОЕВСКИЙ. Уйдите немедля!

МАРИЯ. Но почему?

ДОСТОЕВСКИЙ. Меня... меня пороли... Розгами, как холопа...

Мария продолжает осторожно поднимать простыню, оголяя его спину.

ДОСТОЕВСКИЙ *(со стоном)*. Не нужно... Уйдите... Теперь я ничто в ваших глазах...

МАРИЯ. Молчите, гений...

Отлепив простыню, она видит, что вся его спина и ягодицы исполосованы кровавыми рубцами.

С тяжелой, ломкой от засохшей крови простыней в руках она оглядывается на пустые стены его жилья, потом выходит из комнаты...

ДВОР У ИЗБЫ ДОСТОЕВСКОГО. НОЧЬ

Мария выходит во двор. Это совершенно пустой, без травинки и куста, кусок земли, за низкой оградой видна ковыльная степь. В углу двора — колодец с «журавлем». Подойдя к колодцу, Мария кладет простыню на край сруба, берется за веревку «журавля» и что есть сил тянет ее вниз...

КОМНАТА ДОСТОЕВСКОГО (продолжение)

Лежа в комнате, Достоевский слышит гулкий удар ведра о край колодца и плеск воды...

Униженный и бессильный, он продолжает лежать на скамье, слезы катятся по его лицу, руки бессильно свисают до пола...

Мария возвращается с отстиранной простыней и осторожно укрывает его.

От прикосновения холодной простыни он стонет и вытягивается струной.

МАРИЯ. Тише... Я пришла попрощаться. Завтра мы уезжаем...

И вдруг одним движением рук сбрасывает с себя платье, ложится под скамью и начинает целовать его свисающие со скамьи ладони, пальцы...

Достоевский замирает, его глаза расширяются от изумления.

ДОСТОЕВСКИЙ. Господи, это за муки мои?!

Забыв о боли, он медленно сползает к ней на пол, накрывает ее своим телом.

МАРИЯ. Тихо... *(Смеясь и принимая его.)* Тихо... Не спешите...

Но Достоевский, захрипев от немедленного оргазма, тут же обессиленно роняет голову на ее худенькое плечо.

ДОСТОЕВСКИЙ *(хрипло)*. О-а-х-хх!.. *(Испуганно, виновато.)* Боже мой, простите меня!

Мария презрительно сбрасывает его с себя, вскакивает и начинает одеваться.

Стоя перед ней на коленях, Достоевский хватает ее за подол.

ДОСТОЕВСКИЙ *(в отчаянии)*. Я умоляю вас! Я же после порки! Простите! Останьтесь!

МАРИЯ *(нервно и пряча глаза)*. Извините... Я должна идти...

Оторвав от себя его руки, Мария выбегает из комнаты.

ДОСТОЕВСКИЙ. Мария!!!

С улицы слышен скрип и хлопанье калитки... Потом — лай соседских собак.

Достоевский бросается к окну и, обрушив горшки с геранью, высовывается наружу.

ДОСТОЕВСКИЙ *(кричит задавленным голосом)*. Мария!..

Кроме собак, никто ему не отвечает.

Теряя сознание, он падает с подоконника на пол и в конвульсиях бьется головой о бревенчатую стену. Пена идет у него изо рта, глаза вылезают из орбит...

Святая Мария молча смотрит на него из угла, с иконы.

сжигали врагов римской веры, — нет, в эту минуту он лишь в старой и грубой монашеской рясе своей. За ним в известном расстоянии следуют мрачные помощники рабы его и «священная» стража. Инквизитор останавливается перед толпой и наблюдает издали [как]...

...гробик опускают на паперть к ногам Его. Он глядит с состраданием, и уста Его тихо произносят: «Талифа куми» — «и восста девица».

И — девочка поднимается в гробе, садится и смотрит, улыбаясь, удивленными раскрытыми глазками кругом. В руке ее букет белых роз, с которым она лежала в гробу.

В народе смятение, крики, рыдания...

Великий инквизитор наблюдает издали, он все видел, и лицо его омрачается. Он хмурит густые седые брови свои, и взгляд его [вновь] сверкает зловещим огнем. Он простирает перст свой и велит стражам взять Его.

И вот, такова его сила и до того уже приучен, покорен и трепетно послушен ему народ, что...
толпа немедленно раздвигается пред стражами, и те, среди гробового молчания, вдруг наступившего, налагают на Него руки и уводят Его.

Толпа моментально, вся, как один человек, склоняется головами до земли пред старцем инквизитором, тот молча благословляет народ и проходит мимо.

Стража приводит пленника в тесную и мрачную сводчатую тюрьму в древнем здании святого судилища и запирает в нее.

Проходит день, настает темная, горячая и «бездыханная» севильская ночь. Воздух «лавром и лимоном пахнет».

Среди глубокого мрака вдруг отворяется железная дверь тюрьмы, и сам старик Великий инквизитор со светильником в руке медленно входит в тюрьму. Он один, дверь за ним тотчас

ВРАНГЕЛЬ. А что?

ДОСТОЕВСКИЙ. Задержите ее...

ВРАНГЕЛЬ. Кого?

ДОСТОЕВСКИЙ. Вы знаете... Я должен ей доказать... Задержите их отъезд... Иначе я умру...

ДОМИК И ДВОР ИСАЕВЫХ. ПОД ВЕЧЕР

Исаев, Мария и Павлик выносят из дома свой скарб и грузят в открытую перекладную телегу, запряженную двумя лошадьми. Тюки с одеялами, бельем и одеждой... кухонную посуду... жалкую мебель... Здесь же суетится Достоевский, помогает увязывать этот скарб на телеге.

В стороне в своем щегольском тарантасе сидит Врангель, на вожжах — все тот же Адам.

ГОЛОС ВРАНГЕЛЯ *(за кадром)*. Отчаяние Достоевского было беспредельно; он ходил как помешанный при мысли о разлуке с Марией Дмитриевной, ему казалось, что все для него в жизни пропало. А тут у Исаевых и двинуться в путь было не на что. Выручил их я... Сцену разлуки я никогда не забуду...

АДАМ *(Врангелю, глядя на погрузившихся в перекладную телегу Исаевых)*. Как хочесс, балин, а токо ехать на носсь глядя отни идиоты могут...

ВРАНГЕЛЬ *(негромко)*. Цыть! Езжай впереди них!

АДАМ. Так ить на дологе бандиты в кассдом лесу...

ВРАНГЕЛЬ. Молчи, говорю! Езжай!

Адам щелкает вожжами, конь трогает, Достоевский на ходу запрыгивает в тарантас Врангеля, и тарантас катит впереди телеги Исаевых...

Исаевы в телеге следуют за тарантасом.

ОКРАИНА СЕМИПАЛАТИНСКА. ТОТ ЖЕ ВЕЧЕР (продолжение)

Тарантас Врангеля и телега Исаевых катят по окраине Семипалатинска. Но при выезде из города тарантас Врангеля сворачивает вбок.

ИСАЕВ *(из телеги, кричит)*. Барон! Барон! Вы куда?

ВРАНГЕЛЬ *(высовываясь из тарантаса)*. Ко мне! Шампанского на посошок!

Исаев обрадованно поворачивается к жене.

ИСАЕВ. Ну? Видишь, как меня уважают?

Мария смотрит на него и отворачивается.

Тарантас Врангеля, а за ним и телега с Исаевыми въезжают в распахнутые ворота большого купеческого дома, который снимает Врангель. За домом — сад и оранжерея.

ДОМ, САД И ОРАНЖЕРЕЯ ВРАНГЕЛЯ. ТОТ ЖЕ ВЕЧЕР (продолжение)

Хлопает пробкой бутылка шампанского... Врангель, хохоча, наливает шампанское в бокал Исаеву, они чокаются и пьют... И снова стреляет пробкой шампанское... Исаев уже пьет из горлышка...

Врангель играет на фортепьяно «Собачий вальс», Исаев продолжает пить...

ГОЛОС ВРАНГЕЛЯ (*за кадром*). Желая доставить Достоевскому возможность на прощание поворковать с Марией Дмитриевной, я здорово накатал шампанским ее муженька. Он был в полном моем распоряжении...

Достоевский и Мария выходят из дома в сад.

ГОЛОС ВРАНГЕЛЯ *(продолжает)*. ...И скоро заснул как убитый. Паша, их семилетний сын, тоже спал...

Врангель укладывает пьяного Исаева на диван... Мальчика, спящего в кресле, укрывает пледом...

Адам зажигает свечи, вопросительно смотрит на хозяина.

ВРАНГЕЛЬ. Распрягай и иди спать.

Адам понимающе кивает и уходит.

Врангель с бутылкой коньяку и бокалом садится у окна, выходящего в сад, на оранжерею.

За окнами оранжереи горит свеча, отбрасывая на стекла тени Достоевского и Марии.

Тень Достоевского пламенно размахивает руками...

Сидя в доме, в глубоком кресле, и глядя на эти окна оранжереи, Врангель наливает себе коньяк в бокал и поднимает руку с бокалом.

ВРАНГЕЛЬ. К делу, Федор Михайлович! К делу!

Пьет коньяк и закрывает глаза, засыпая.

САД И ОРАНЖЕРЕЯ. РАННЕЕ УТРО

На рассвете Достоевский и Мария выходят из оранжереи. Достоевский, размахивая руками, продолжает что-то пламенно говорить.

Сонный и пьяный Исаев уже сидит в тарантасе Врангеля, тут же спит и семилетний Павлик.

Мария, пряча глаза от Врангеля, забирается в свою телегу.

ВРАНГЕЛЬ *(Достоевскому)*. Ну как? Можем ехать?

ДОСТОЕВСКИЙ *(интимно)*. Да, купидон. Я получил от нее доказательства ее любви.

ВРАНГЕЛЬ *(с сарказмом)*. Поцелуй, что-ли? *(Трогает Адама за плечо)*. Пошел!

Адам щелкает вожжами, трогая тарантас. Достоевский спешит в телегу к Марии, берется за вожжи, и телега вслед за тарантасом Врангеля выезжает со двора...

ДОРОГА В СОСНОВОМ БОРУ. РАССВЕТ

Тарантас Врангеля и телега со скарбом Исаевых катят по дороге через густой сосновый бор... Мягкий рассвет пробивается сквозь листву... Воздух пронизан первыми солнечными лучами...

На очередном повороте дороги тарантас и телега останавливаются... Врангель и Адам перетаскивают пьяного, сонного Исаева из своего тарантаса в телегу. Исаев, улегшись в телеге, немедленно начинает храпеть... рядом с ним Достоевский укладывает спящего Павлика и подходит к Марии, обнимает ее...

Так, обнявшись и прильнув друг к другу телами, они стоят у телеги.

За кадром звучит ноктюрн Глинки.

Фыркает лошадь...

Бьет копытом конь Врангеля...

Мария, прослезившись, отторгается от Достоевского, залезает в телегу, берет в руки вожжи и трогает лошадей.

Дернули лошади, тронулась телега, поднялись клубы пыли...

И вот уже еле виднеются на лесной дороге повозка и ее седоки, затихает почтовый колокольчик...

А Достоевский все стоит как вкопанный, безмолвный, смотрит ей вслед, и слезы катятся по его щекам...

ВРАНГЕЛЬ *(огорченно)*. Эх, Федор Михайлович! Какой вы романтик, право...

Лесные чащи...

Поселки вокруг серебряных рудников...

Горные озера, полные перелетных уток и журавлей...

Селенья староверов и беглых казаков, обратившихся в мусульманство...

Солнце садится у него за спиной...

Ночную колею освещает луна...

Он, не зная усталости, хлещет коня.

ДОСТОЕВСКИЙ. Но! Ходу! Ходу!..

И новое солнце восходит перед ним...

К концу вторых суток Достоевский — усталый, пыльный, с закопченным лицом — въезжает в Кузнецк и, спросив в трактире дорогу, находит улицу и домик Марии Исаевой.

УЛИЦА И ДВОР ДОМИКА-ИЗБЫ МАРИИ ИСАЕВОЙ В КУЗНЕЦКЕ. ВЕЧЕР

Свалившись возле этого дома с коня, Достоевский — враскоряк — проходит через калитку к крыльцу и валится на него в изнеможении.

Взлаивают соседские собаки...

Конь, оставленный без привязи, проходит еще метров девять в уличную темень, шатается и тоже замертво падает на разъехавшиеся ноги...

И тут же Мария — простоволосая, в одном халате — выскакивает из двери.

На крыльце кулем лежит Достоевский.

Какое-то разочарование, почти досада мелькает на лице Марии.

МАРИЯ *(зовет)*. Павлик! Павлик!

Восьмилетний Павлик выходит на крыльцо, вдвоем они волоком втаскивают Достоевского в дом.

ДОМИК-ИЗБА МАРИИ ИСАЕВОЙ В КУЗНЕЦКЕ. ВЕЧЕР (продолжение)

Мария с сыном волоком втаскивают Достоевского в горницу.

МАРИЯ. Воды, Павлик! Воды!..

Мальчик зачерпывает ковшом из кадки, стоящей у печи, и плещет воду в лицо Достоевскому, Мария утирает его полотенцем, которое разом становится черным от дорожной пыли.

МАРИЯ *(сыну)*. Еще...

После второго ковша воды Достоевский открывает глаза и, сглотнув воду пересохшим ртом, улыбается, чувствуя ее ладони под своей головой.

ДОСТОЕВСКИЙ. Маша! Я сделал это! Государь произвел меня в унтер-офицеры! Теперь я могу сделать тебе предложение!.. Что ж ты молчишь? Знаешь, как это случилось? *(Приподнимаясь и садясь на полу; хвастливо.)* Я написал стихи вдовствующей императрице! Конечно, я совершенно не умею делать стихи, я не Пушкин, но ради тебя, ради нас... И представляешь — эти стихи произвели впечатление! Я теперь унтер-офицер! Павлик, иди собирай свои вещи! Я увезу вас отсюда...

МАРИЯ *(пытаясь перебить, негромко)*. Федя...

ДОСТОЕВСКИЙ *(возбужденно, вслед мальчику, ушедшему в свою комнату)*. Мы поедем ко мне, Павлик, в Семипалатинск! Я стану твоим отцом!

МАРИЯ *(настойчивей)*. Федор Михайлович...

ДОСТОЕВСКИЙ. Да, Маша! Да, дорогая?! Что, любовь моя?! Дай мне руку!..

Только теперь он замечает, что за месяцы их разлуки какое-то новое качество — горечь и ломкость экзальтации — появилось в ее взгляде вместе с тенями под ее синими глазами.

МАРИЯ. Федя, я же писала тебе: я полюбила другого...

ДОСТОЕВСКИЙ *(небрежно).* Но это же не серьезно...

МАРИЯ. Серьезно, Федя. Он просит моей руки.

ДОСТОЕВСКИЙ *(в ужасе).* Нет! Этого не может быть!

МАРИЯ. Я потому и выскочила на крыльцо: думала, это он, Алеша.

ДОСТОЕВСКИЙ *(в отчаянии).* Но послушай, послушай! Он же много младше тебя! Если ты пойдешь за него, он тебя потом попреками сведет, что ты ему век заела!

МАРИЯ. Я знаю, Федя, я все знаю. Он и вправду ребенок, но я... Я люблю его как сумасшедшая... Я тебя никогда так не любила, Федя. Я и сама знаю, что с ума сошла и не так люблю, как надо. *(С кривой усмешкой.)* Нехорошо я его люблю...

ДОСТОЕВСКИЙ *(беря ее за руки).* Вот! Видишь! Так подожди же с этим! Все еще можно поправить, сделать каким-нибудь другим образом! Главное, не выходить замуж. Ну где ему, мальчишке, жениться!

МАРИЯ. Нет, Федя, нет! Если он разлюбит меня, я умру... Да что умереть! Я бы и рада умереть! А вот каково жить без него? Ждать его вот так целыми днями... Ведь я соврала тебе, что с утра его жду. Я его пятый день жду — вот что хуже смерти! *(Горестно заломив руки.)* О, Федя, Федя!..

ДОСТОЕВСКИЙ *(испуганно).* Ну полно, полно! Не надо... В конце концов, мы можем так сделать: я буду вам помогать... Да,

отчего же не помогать? Я вам помогу... *(Вдохновляясь.)* И ты не погубишь себя, и все пойдет прекрасно, и любить вы будете друг друга сколько захотите... *(С усилием поднявшись, садится к кухонному столу.)*

МАРИЯ *(горестно).* Оставь, Федя... *(Сжав его руку и улыбнувшись.)* Добрый, добрый Федя! И ни слова-то о себе! Я тебя оставила, а ты все простил, только о моем счастье и думаешь. Помогать нам хочешь... *(Плачет, потерянно ходит по комнате.)* Я ведь знаю, Федя, как ты любишь меня... А я, я... Боже мой, как я перед тобой виновата!.. *(Становится перед ним на колени.)* Нет, я тебя не стою!.. А как я ждала тебя, Федя, уж как ждала! Послушай, если я и люблю Алешу как безумная, то тебя, может быть, еще больше, как друга, люблю. Я уже знаю, что без тебя не проживу; мне твое сердце надобно, твоя душа золотая... *(Заливаясь слезами.)* Ах, как ты похудел, какой ты больной, усталый... А что, если он не придет? Что, если он с другой, а я ему надоела?.. *(Стискивая ему руки.)* Ох, Боже! Сумасшедшая я! Да ведь он и сам недавно сказал мне, что я ему надоела...

С улицы слышен лай соседских собак и скрип уличной калитки.

МАРИЯ *(на крике).* Это он! *(Бежит к двери.)*

Распахнув дверь, навстречу ей стремительно входит Вергунов и тут же, в двери, заключает ее в объятия. «Они целовались, смеялись, — сказано у Достоевского, — [Мария] смеялась и плакала, все вместе, точно они встретились после бесконечной разлуки. Краска залила ее бледные щеки; она была как исступленная...»

Вергунов, заметив Достоевского, подходит к нему.

Достоевский, по его собственным словам, «жадно всматривался в его глаза, как будто его взгляд мог разъяснить: чем, как этот ребенок мог очаровать ее, мог зародить в ней такую безумную любовь... [Вергунов] взял меня за обе руки, крепко пожал их, и его взгляд, кроткий и ясный, проник в мое сердце. Я почувствовал, что... он враг мой...»

ВЕРГУНОВ *(Достоевскому, с кроткой улыбкой).* Не вините меня. Как давно хотел я вас обнять как родного брата; как много Маша мне про вас говорила!.. Будем друзьями и... (*Вполголоса, покраснев, но с такой же прекрасной кроткой улыбкой.*) Простите нас...

МАРИЯ *(подхватывая).* Да, да, Алеша! Он наш, он наш брат, он уже простил нас, и без него мы не будем счастливы... Но мы будем жить втроем... *(Спохватившись.)* Боже! Что это я такое сказала!..

Глядя на них двоих, Мария, словно опомнившись, закрывает лицо руками. Вергунов, обняв Марию, крепко прижимает ее к себе...

ВЕРГУНОВ *(Достоевскому).* Не вините нас! Уверяю вас, мы будем совершенно счастливы и именно наш брак послужит началом...

ДОСТОЕВСКИЙ *(резко перебивает).* Вы говорите: брак? А на какую жизнь ее обрекаете?

ВЕРГУНОВ *(с обезоруживающей простотой).* Я и сам еще не хорошо знаю... Но была бы решимость, а там все само устроится. Я найму квартиру, к нам будут ходить друзья; и я буду жить своими трудами. Знаете, у меня третьего дня явилась удивительная мысль. Я хочу писать повести и продавать в журналы, так же как прежде и вы. Вы мне поможете; ведь вам все равно запрещено печататься. Как раз вчера я всю ночь обдумывал один роман — так, для пробы, и знаете ли: могла бы выйти премиленькая вещица, а главное, за нее дадут денег... ведь вам же платили!

Достоевский смотрит на него с изумлением и открытой насмешкой.

Мария ставит самовар, раздувая в нем угли мехами.

ВЕРГУНОВ *(Достоевскому).* Смейтесь, смейтесь! Но вы поможете мне и будете поправлять мой роман. *(Глядя на Марию.)*

Ведь это вы для нее сделаете, вы же любите ее... А если не удастся роман, то я могу давать и уроки. Ах, Маша! Да много ли нужно нам для счастья!

МАРИЯ. А где ты был эти дни?

ВЕРГУНОВ. У ссыльных...

МАРИЯ *(в ужасе прикрыв рот рукой)*. Где?!

Вергунов успокаивающе берет ее за руку.

ВЕРГУНОВ. Там было человек двенадцать студентов, офицеров, художников; они все вас знают, Федор Михайлович, то есть читали ваши сочинения и много ждут от вас в будущем. Так они мне сами сказали. Я говорил им, что знаком с вами заочно, через Марию, и они приняли меня по-братски, с распростертыми объятиями...

МАРИЯ *(приходя в себя)*. Алеша, ты сошел с ума! Ты же мне клялся не ходить туда! Как же ты мог? Посмотри на Федора Михайловича! Ведь он через такие кружки и пострадал. *(Ужасаясь.)* Боже, неужто и ты?

ВЕРГУНОВ *(покровительственно улыбаясь)*. Перестань, Маша. Сейчас иные времена. И потом — это все молодежь свежая; все они с пламенной любовью ко всему человечеству; и все мы говорили о нашем будущем. Одна девушка сказала, что как только войдет в права наследования родительского состояния, тотчас же пожертвует миллион на общественную пользу.

ДОСТОЕВСКИЙ *(с сарказмом)*. А распорядителями этого миллиона будет вся ваша компания?

ВЕРГУНОВ *(с жаром)*. Неправда! Стыдно так говорить! И вообще, Федор Михайлович, вы же нарочито выставляете меня дурачком перед Машей, потому что сами хотите на ней жениться. Но неужели ей лучше будет с вами, тридцатипятилетним пожилым человеком, у которого уже все позади, уже отличившимся не в хорошем, а в плохом смысле и закрывшим себе все

пути? Гляньте на себя: да, десять лет назад вы написали знаменитый роман, но теперь... теперь вы уже идете с ярмарки! А я только иду на ярмарку, мне двадцать четыре года, у меня все впереди...

МАРИЯ. Алеша, что ты говоришь! Как ты можешь?!

ВЕРГУНОВ *(Достоевскому)*. Вы спрашиваете, на какую жизнь я ее обрекаю? А мы, Федор Михайлович, мы разрушим ваше старое общество лжи, бесправия и нелепых церковных идолов и построим общество прогрессивное, общество всеобщего равенства и социальных прав для всех граждан!

ДОСТОЕВСКИЙ *(с кривой усмешкой)*. А вы спросили у этих граждан: хотят ли они? Цели всех предводителей прогрессивной мысли человеколюбивы и величественны. Но дай, Маша, этим учителям *(кивок на Вергунова)* разрушить старое общество и построить новое — выйдет такой мрак и хаос, что все здание рухнет под проклятиями человечества. *(Вергунову.)* Нет, мальчик, не нужны русскому народу ваши идеи...

ВЕРГУНОВ. А вы-то откуда знаете? Вы-то по какому праву за русский народ говорите?

Достоевский смотрит ему в глаза — это дуэль двух врагов, разделенных короткой крышкой кухонного стола, на которой стоят самовар и чайные стаканы.

Это дуэль двух поколений, «отцов и детей»...

Это дуэль 35-летнего Достоевского с самим собой, 25-летним членом петербургского кружка социалистов-утопистов...

И это дуэль двух мужчин из-за одной женщины, которая сидит за столом между ними...

И вдруг, стряхнув с ноги сапог и портянку, Достоевский поднимает босую ногу и грохает ее — стертую до кости, со шрамами от кандалов — на стол прямо перед лицом Вергунова.

ДОСТОЕВСКИЙ. Вот мое право! Кандальное!

От удара его ноги стакан с чаем опрокидывается на брюки Вергунова.

Вергунов оскорбленно вскакивает и выбегает из дома, хлопнув дверью.

Мария бежит за ним.

МАРИЯ. Алеша!..

Достоевский, оставшись один, устало клонится со стула.

Когда Мария возвращается в дом, она находит Достоевского спящим на полу.

В досаде Мария перешагивает через него, проходит в комнатку сына.

Там, на кровати, свернувшись клубком, спит Павлик.

Мария укрывает сына одеялом и задумчиво стоит над ним.

Вернувшись на кухню, убирает со стола посуду, изредка глядя на спящего на полу Достоевского. Затем садится перед ним на табурете и, сгорбившись, долго смотрит ему в лицо... Выходит из дома, приносит охапку дров, растапливает печь... Наливает воду из кадки в ведро, стоящее на печи... Приносит из каморки корыто и, громыхнув им, ставит это корыто рядом с Достоевским.

Но Достоевский не просыпается и от этого грохота.

Мария стягивает с него сапоги, портянки, принимается расстегивать латунные пуговицы солдатской куртки.

Достоевский открывает глаза, испуганно смотрит на Марию.

ДОСТОЕВСКИЙ. Я... я сейчас уйду...

МАРИЯ *(буднично)*. Никуда ты не уйдешь... *(Снимает с печи ведро, шумно выливает из него горячую воду в корыто.)* Вставай, гений, купаться будем.

...Через час, в постели, она котенком лежит на его плече, а он говорит счастливо и воспаленно, с вдохновением.

ДОСТОЕВСКИЙ. Мы обязательно уедем отсюда, обязательно! Ты знаешь девиз Бальзака? «То, что Наполеон завоевал мечом, я завоюю пером!» Но я — я лучше Бальзака! Да, да! Я талантливей! Я сочиню стихи новому императору... да, это хорошая идея — я оду ему сочиню на коронацию! — и добьюсь полной амнистии и позволения печататься! И я напишу... Ох, Маша, я ведь такие характеры видел в каторге, таких историй наслышался — на сто романов хватит! И каких!

МАРИЯ *(вкрадчиво)*. Не нужно про каторгу, Федя. Это не будут читать.

ДОСТОЕВСКИЙ. О нет! Будут! Мое — будут! Ведь меня сравнивали с Толстым! И я еще буду, как Толстой, брать по пятьсот рублей за печатный лист! И мы уедем в Петербург, а потом и дальше, в Европу. Я повезу тебя в Париж, в Ниццу, ты увидишь свою родину...

МАРИЯ *(целуя его в грудь, все ниже и ниже)*: Молчи, Федя, не сглазь...

От прикосновения ее губ он замолкает, напрягается и — наконец! — уже не наспех, уже без конфуза получает свое столь долгожданное и столь тяжело выстраданное счастье...

Мария — хрупкая, тоненькая, экзальтированная — с изумлением обнаруживает в Достоевском еще вполне сильного мужчину, способного заставить ее летать, стонать, задыхаться от наслаждения и целовать его руки*...

...На рассвете, устав от любви, Достоевский лежит в кровати со слезами счастья на глазах.

---

* «Сердце ее опять обратилось ко мне, — писал Достоевский Врангелю. — Она плакала, целовала мне руки... Я не знаю еще, что будет со мной без нее. Я пропал, но и она тоже... Я провел там не знаю какие два дня — это было блаженство и мученье нестерпимое...»

ДОСТОЕВСКИЙ. Господи, Маша, я так счастлив! Я умру, если потеряю тебя... Я просто умру...

МАРИЯ *(гладя его по груди).* Не плачь... еще не все потеряно...

ДОСТОЕВСКИЙ *(поднимаясь на локте, с мольбой и надеждой).* Ты обещаешь?

МАРИЯ *(поглядев ему в глаза, решительно).* Да, мой гений. Ты и я и более никто!..

СЕМИПАЛАТИНСК, КОМНАТА В ИЗБЕ ДОСТОЕВСКОГО. НОЧЬ

В полумраке ночи, при огарке свечи, Достоевский энергично ходит по своей закопченной комнате, твердя, словно вдалбливая сам себе в сотый раз.

ДОСТОЕВСКИЙ.

Эпоха новая пред нами,
Надежды сладостной заря...

(Подстегивая себя.) Ну! Ну!..

На столе и на полу валяются смятые и порванные клочки его черновиков.

ДОСТОЕВСКИЙ. Еще раз!

Эпоха новая пред нами,
Надежды сладостной заря...

Вдруг он быстро подходит к столу и записывает, диктуя сам себе.

ДОСТОЕВСКИЙ.

Восходит ярко пред очами...
Благослови, Господь, царя!..

Став в позу, громко, с пафосом читает.

Почтмейстер, подойдя к его столу, вытряхивает из мешка почту — несколько десятков писем.

ПОЧТМЕЙСТЕР. Тут и тебе есть, от Врангеля.

Достоевский оживляется, лихорадочно ворошит пакеты и конверты, находит тонкий засургученный конверт, нетерпеливыми руками взламывает печати, извлекает лист бумаги и вдруг вскакивает.

ДОСТОЕВСКИЙ *(кричит, как безумный).* Я сделал это! Я сделал!

Достоевский бросается к окну, вышибает его одним ударом и, даже не заметив, что окровавил себе руки стеклом, высовывается наружу.

ДОСТОЕВСКИЙ *(крича, прохожим).* Есть Бог! Есть! Я помилован! Произведен в прапорщики!..

Слышен звон церковных колоколов...

СИБИРЬ. ЗИМА

Звон этот смешивается с гулким стуком копыт по промороженному панцирю зимней дороги.

Это в санях с парой пристяжных несется в Кузнецк новопроизведенный прапорщик русской императорской армии Федор Достоевский. Он не жалеет лошадей — хмелея от своей свободы, любви и нетерпения, он, стоя, хлещет и хлещет коней...

ДОСТОЕВСКИЙ *(кричит в упоении).* Мария!.. Я еду!.. Я свободен!..

Во весь опор несутся взмыленные кони, орет от счастья Достоевский, и бубном грохочет промороженная дорога под копытами коней.

За этим грохотом нарастает перезвон церковных колоколов — все громче, громче... Под этот перезвон...

КУЗНЕЦК, ДОМИК МАРИИ

Достоевский падает на колени перед Марией.

ДОСТОЕВСКИЙ *(сбивчиво)*. Мария, все сбудется! Все, что я обещал! Европа, слава, Франция! Ты увидишь свою родину, клянусь! Только иди за меня!

Колокольный звон перекрывает его голос, он почти оглушает...

ЦЕРКОВЬ В СЕМИПАЛАТИНСКЕ. СОЛНЕЧНЫЙ ЗИМНИЙ ДЕНЬ

Под звон колоколов священник венчает прапорщика Достоевского и Марию Исаеву.

СВЯЩЕННИК. Берешь ли ты, Федор, по изволению благому, непринужденному и обдуманному, в жены себе эту Марию, стоящую пред тобою?

ДОСТОЕВСКИЙ *(стоя у амвона, радостно)*. Беру, святой отец!

Яркое зимнее солнце бьет в окна церкви и дробится в высоком витраже.

Любопытные прихожане толпятся в зале.

Эхо колоколов висит в воздухе.

СВЯЩЕННИК. Не обещалася ли ты, Мария, иному мужу?

МАРИЯ *(с запинкой)*. Не... не обещалася, святой отец.

Стоящий рядом шафер Вергунов бледнеет, сглатывает кадыком.

Бьет колокол.

СВЯЩЕННИК *(возвышая голос)*. Венчается раб Божий Федор рабе Божией Марии...

Летят слова священника, и вместе с ними летит на счастливого Достоевского свет с креста...

и свет с церковных образов...
и сияние икон...
и трепетный огонь свадебных свечей...
И лучатся его глаза...
И бьют в его душе колокола и барабаны счастья...

СВЯЩЕННИК *(продолжая)*. Господи Боже наш, славою Твоею и честию Твоею венчая...

Все ярче свет, все громче колокола и барабаны...

А когда поворачиваются молодые от амвона и через коридор расступившихся прихожан идут к выходу из церкви, нестерпимый солнечный свет из разом распахнувшихся дверей ослепляет Достоевского, а звон колоколов бьет по его барабанным перепонкам так, что вдруг...

«...припадок эпилепсии приходит мгновенно. В это мгновение вдруг чрезвычайно искажается лицо, особенно взгляд. Конвульсии и судороги овладевают всем телом и всеми чертами лица. Страшный, невообразимый и ни на что непохожий вопль вырывается из груди; в этом вопле как бы исчезает все человеческое...» *(Ф. Достоевский.)*

От вопля Достоевского отшатывается новобрачная Мария и в ужасе смотрит на своего мужа, который бьется на полу в эпилептическом припадке — с хрипом и конвульсиями...

А когда желто-зеленая пена пошла изо рта его, лицо Марии сводит от отвращения, она выбегает из церкви...

И народ покидает церковь, брезгливо обходя эпилептика Достоевского...

ЦЕРКОВНЫЙ ДВОР. ТОТ ЖЕ ДЕНЬ (продолжение эпизода)

Мария, выбежав из церкви, склоняется у церковной ограды, ее рвет...

Вергунов выходит из церкви и, не поглядев на Марию, удаляется...

прямо в глаза и, видимо, не желая ничего возражать. Старику хотелось бы, чтобы тот сказал ему что-нибудь, хотя бы и горькое, страшное. Но Он вдруг молча приближается к старику и тихо целует его в его бескровные девяностолетние уста. Вот и весь ответ. Старик вздрагивает. Что-то шевелится в концах губ его; он идет к двери, отворяет ее и говорит Ему.

ВЕЛИКИЙ ИНКВИЗИТОР. Ступай и не приходи более... не приходи вовсе... никогда, никогда!

И выпускает Его на темные стогна града.

Пленник уходит...

И, уходя, поворачивается, оглядываясь. И когда Он оглядывается, мы узнаем в Нем Достоевского.

СИБИРЬ. ДЕНЬ И НОЧЬ

Панорамы Сибири с очень высокой точки или с самолета:

Гигантские массивы тайги...

Марсианский, промороженный пейзаж излуки Иртыша...

Безлюдье...

Снега...

Затерянные в этом суровом пространстве крохотные деревушки...

ДОМ ПРАПОРЩИКА ДОСТОЕВСКОГО. НОЧЬ

Босой, в ночной сорочке, Достоевский проходит из своего кабинета в спальню Марии, опускается на колени перед ее постелью, любуется женой и тихо целует ее, спящую, в ее приоткрытые, как у ребенка, губы.

Мария вздрагивает... открывает глаза и, увидев Достоевского, отталкивает его.

МАРИЯ *(очень спокойно)*. Уйди!..

Достоевский пытается обнять ее, но она с отвращением отдирает от себя его руки, вскакивает.

МАРИЯ *(горько)*. Уйди, я сказала! Ступай отсюда! И не приходи более! Не приходи вовсе!..

ДОСТОЕВСКИЙ. Но я муж твой!

МАРИЯ *(с болью и мукой)*. Я не могу, Федя... Нет, я не могу...

С распущенными волосами, заспанным детским личиком, худенькая, в ночной рубашке — она выглядит ангелом, сошедшим с неба.

ДОСТОЕВСКИЙ *(пылко, с вожделением)*. Мария! Это пройдет! Дай мне обнять тебя!

МАРИЯ *(брезгливо уклоняясь)*. Нет... Никогда!.. К черту!..

Мария идет к двери и распахивает ее.

МАРИЯ *(властно)*. Уйди!

ДОСТОЕВСКИЙ. Мария!!!

Достоевский в отчаянии набрасывается на нее, пытается взять ее силой.

Мария, остервенев, кусает его, царапает до крови и орет.

МАРИЯ. Нет! Нет! Ни за что!..

Но он не выпускает ее, рвет на ней ночную рубашку и пытается целовать куда попало — в шею, в грудь, в живот... Но тут на Марию накатывают приступы рвоты.

Стоя на коленях, он в бессилии размыкает руки, и Мария убегает на кухню, к помойному ведру, и он слышит, как там ее сотрясает рвота.

Он лежит на полу и плачет в отчаянии.

С кухни доносится плеск воды...

Мария, умывшись, возвращается.

МАРИЯ. Проклятый каторжник... *(Переступив через Достоевского, пустым голосом.)* Уйди! *(Презрительно.)* «Гений»!.. *(Горько.)* Ты загубил мою жизнь... Ты и твой Врангель...

Достоевский встает, убитой походкой выходит из спальни и слышит, как за его спиной дверь ее спальни закрывается на ключ.

Униженный и оскорбленный, он согбенно и медленно проходит в потемках в свой кабинет, стоит у окна, прижавшись лбом к холодному стеклу, смотрит на освещенные месяцем снега и таежные леса России...

Звучит ноктюрн Глинки.

ГОЛОС ВРАНГЕЛЯ *(за кадром)*. Брак Достоевского с Марией продолжался семь лет, и во все эти годы между ними не было физической близости. Женщина, любовь к которой подвигла Федора Михайловича достать императора и добиться освобождения от солдатчины, эта женщина так никогда и не ответила на его любовь, не стала его возлюбленной. Зато...

Достоевский зажигает две свечи на своем столе, садится к рукописи и, обмакнув перо, принимается писать...

ДОСТОЕВСКИЙ *(шепча и диктуя сам себе)*. «День был жаркий, сияющий светом. Мы с Наташей пошли в сад. Наташа взглянула на меня долгим, странным взглядом. «Ваня, — сказала она, — Ваня, ведь это был сон!» «Что было сон?» — спросил я. «Все, все, — отвечала она, — все, за весь этот год. Ваня, зачем я разрушила твое счастье?»...»

ТИТР:
За годы супружества с Марией Исаевой
Достоевский написал:
«Записки из Мертвого дома»,

«Униженные и оскорбленные»,
«Дядюшкин сон»,
«Село Степанчиково и его обитатели»

РОССИЯ С ПТИЧЬЕГО ПОЛЕТА — ОТ СИБИРИ ДО МОСКВЫ И ЕЩЕ ЗАПАДНЕЙ

На фоне этих панорам — титр:

ВОСЕМЬ ЛЕТ СПУСТЯ

КОПЕНГАГЕН 1865 ГОДА. ДЕНЬ

По брусчатой мостовой Копенгагена катит дорогой экипаж. У богатого особняка с вывеской «Посольство России» кучер останавливает лошадей, из кареты выходит Федор Достоевский. Он одет с иголочки, по-европейски — в прекрасной шляпе, дорогом сюртуке, голландской манишке. Слуге, который выходит к нему на крыльцо, он вручает свою визитку. Слуга уходит в дом...

БОГАТЫЙ ОСОБНЯК ВРАНГЕЛЯ В КОПЕНГАГЕНЕ. ТОТ ЖЕ ДЕНЬ

Тридцатидвухлетний барон Врангель, посол России в Дании, бежит, распахнув руки, по широкой лестнице вниз, к вестибюлю.

ВРАНГЕЛЬ *(кричит)*. Открыть! Открыть! Зовите жену! Детей! Это же Достоевский! Великий писатель!..

С распростертыми объятиями Врангель выскакивает на крыльцо к Достоевскому.

Следом выходят его жена и двое детей.

...Достоевский и Врангель сидят в курительной комнате, в креслах, с бокалами дорогого коньяка в руках. Достоевский кладет на журнальный столик 106 рублей.

ДОСТОЕВСКИЙ. Это мой долг — деньги, которые вы тогда дали Маше на переезд в Кузнецк. Шестнадцатого апреля прош-

лого года она скончалась в Москве от чахотки, в полной памяти, и, прощаясь, вспоминала о вас. Передаю вам ее поклон. Она любила меня беспредельно, я любил ее тоже без меры, но мы не жили с ней счастливо. Не могу сказать вам причины, но скажу только, что, несмотря на то что мы были с ней положительно несчастны вместе, мы не могли перестать любить друг друга; даже чем несчастнее были, тем более привязывались друг к другу. Как ни странно, а это было так. Я не отходил от ее постели всю зиму, до самой ее смерти...

ВРАНГЕЛЬ. Знаете, Федор Михайлович, тогда, в Сибири, я хоть и помогал вашему роману, но не предвидел в этом браке счастья для вас. Мария была обыкновенной женщиной, а вам она рисовалась в каком-то лучезарном ореоле...

ДОСТОЕВСКИЙ. Ох, Александр! Ведь это вы смотрите с нашей, мужской стороны. А есть еще их сторона, женская, для нас заповедная, терра инкогнита. И потому запомните мой совет. Будем всегда глубоко благодарны за те дни и часы счастья и ласки, которые дала нам любимая нами женщина. Не следует требовать от нее вечно жить и думать только о вас, это недостойный эгоизм, который надо уметь побороть.

ГОЛОС ВРАНГЕЛЯ *(за кадром)*. Он приехал ко мне 1 октября 1865 года. Я нашел его постаревшим и похудевшим. Он прожил у меня неделю, очень понравился моей жене и много возился с двумя моими детьми. Невольно в откровенной беседе всплыли, конечно, воспоминания о Сибири, о наших сердечных увлечениях... Расставаясь с Достоевским в Копенгагене, мы оба рассчитывали, что летом свидимся в Петербурге. Но дела по службе изменили мои планы, вскоре я снова уехал из России за границу. Литературное имя Достоевского уже гремело тогда повсюду...

КОМБИНИРОВАННЫЕ СЪЕМКИ (под ноктюрн «Разлука» Глинки)

«Бедные люди», «Униженные и оскорбленные», «Преступление и наказание», «Братья Карамазовы» и другие книги Достоевского на всех языках мира — сотни, тысячи томов, а сквозь

них — лицо Марии и короткие, как наплывы или вспышки, фрагменты истовой и безумной первой любви Достоевского — фрагменты из фильма...

ТИТР:
Сюжет фильма основан на подлинной биографии
Федора Достоевского, великого русского писателя

Конец